

DOI: 10.31857/S013038640009142-4

© 2020 г. Я. Г. ШЕМЯКИН

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРОСТРАНСТВА
В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ: ОПЫТ «ПОГРАНИЧНЫХ»
ЦИВИЛИЗАЦИЙ ПЛАНЕТАРНОГО МАСШТАБА
В УНИВЕРСАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ**

Шемякин Яков Георгиевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник института стран Латинской Америки (Москва, Россия).
E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Аннотация. В статье в широком контексте культурологических теорий анализируется роль пространства в цивилизационной системе. Автор рассматривает пространство не только как значимую составную часть, но и как специфическое выражение целостности всего пространственно-временного континуума, одну из двух в равной степени необходимых ипостасей его противоречивого единства. В центре внимания автора — сопоставление в универсальном контексте исторического опыта «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба — России—Евразии и Латинской Америки, кроме того, уточняется содержание термина «цивилизация». Этот опыт рассматривается через призму концепции «трех пространств» А. Лефевра и Э. Соджи: материального или физического, ментального или воображаемого и объединяющего их социального (или «пространства отношений»). В статье подчеркивается, что все эти пространства пронизывает дихотомия природного и культурного, причем соотношение этих измерений различно во всех трех пространствах. В статье делается акцент на мысли о том, что разделение пространства на физическое, ментальное и социальное носит условный характер. В реальности все три выступают как различные измерения единого пространства цивилизации. Причем в российском и латиноамериканском цивилизационных «пограничьях», несмотря на значительные различия в природной среде России и Латинской Америки, ключевая роль принадлежит материальному (физическому) пространству. Автор приходит к выводу, что отличительной особенностью структуры пространственно-временного континуума как латиноамериканского, так и российского «пограничья» является доминанта пространства. Это обуславливает его ключевую роль в процессе цивилизационной идентификации.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационное пространство, «три пространства» А. Лефевра и Э. Соджи, цивилизационная идентификация, «пограничная» цивилизация, «классическая» цивилизация.

Ya. G. Shemyakin

**On the Role of Space in Civilization System: The Experience of ‘Borderline’
Civilizations of Planetary Scale in the Universal Context**

Yakov Shemyakin, Institute of Latin America (Moscow, Russia).
E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Abstract. The article analyzes the role of space in the civilization system in the broad context of cultural theories. The author considers space not only as a significant component, but also as a specific expression of the integrity of the entire space-time continuum, one of two equally necessary hypostases of its contradictory unity. The author focuses on the comparison in the universal context of the historical experience of “borderline” civilizations of a planetary scale – Russia – Eurasia and Latin America. This experience is examined through the prism of the concept of “three spaces” by A. Lefebvre and E. Soji: material or physical, mental or imaginary, and social (or “space of relations”) uniting them. The author emphasizes that all these spaces are permeated by the dichotomy of the natural and cultural, and the ratio of these dimensions is different in all three spaces. Ya. G. Shemyakin emphasizes the idea that the division of space into physical, mental, and social is conditional. In reality, all three act as different dimensions of a single space of civilization. Moreover, in the Russian and Latin American civilizational “borderlands” the key role belongs to the material (physical) space. The author concludes that the dominant feature of space is the distinguishing feature of the structure of the space-time continuum of both the Latin American and Russian “borderlands”. This determines its key role in the process of civilizational identification.

Keywords: civilization, civilizational space, «three spaces» A. Lefebvre and E. Soji, civilizational identification, «borderline» civilization, «classical» civilization.

Мысль о том, что пространство представляет собой неотъемлемую и важнейшую составляющую культурно-цивилизационного континуума, уже давно стала практически общепризнанной среди ученых-гуманитариев. Так, она лежит в основе знаменитой концепции хронотопа М. М. Бахтина. В этой связи следует уточнить: попытки обобщить как собственные наблюдения, так и исследования коллег позволяют сделать вывод, что пространство наряду с временем следует рассматривать не только как значимую составную часть, но и как специфическое выражение целостности всего континуума, одну из двух в равной степени необходимых ипостасей его противоречивого единства. Это находит свое проявление в том, что люди в очень значительной мере мыслят пространственными категориями. Данные категории, как и представления о собственной природно-географической среде обитания, во многом образуют внутренний образный строй культуры.

Как отмечал голландский ученый Й. ван Баак, «семиотические исследования... показали плодотворность подхода, основанного на представлении о том, что язык пространственных отношений, помимо его прямого значения в культуре, является универсальным моделирующим средством для выражения всевозможных непространственных, а именно модальных, ценностных и идеологических значений»¹. Анализируя географическое пространство «как комплекс общекультурных параметров», Й. ван Баак непосредственно опирался на идею «геоэтнической панорамы» В. Н. Топорова, показавшего органическую связь между пространством, культурой и историей².

Д. Н. Замятин, создавший на базе этих и близким к ним идей целое научное направление «метагеографии»³, следующим образом описывает взаимодействие географического и исторического воображения в формирующемся пространственно-временном континууме цивилизаций: «Сначала отбираются определенные полусознанные знаки, символы, стереотипы и архетипы, посредством которых конструируются отдельные образы, затем происходит выстраивание этих

¹ Ван Баак Й. О границах русской культуры. — Русская литература, 1995, № 3, с. 12.

² Топоров В. Н. К происхождению и функциям «геоэтнических панорам» в аспекте связей истории и культуры. — История и культура. М., 1991, с. 88–108.

³ См., например: Замятин Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М., 2004.

образов в некие пространственные и временные последовательности и, наконец, вытягивание этих цепочек на сознательный уровень и их репрезентация (создание мифической истории, нарратива)». В результате «происходит ментальный сдвиг, и эти представления становятся базой для идентичностей»⁴.

В свете этих соображений значимость пространства в идентификационной сфере цивилизации представляется очевидной. Нельзя не согласиться со следующей оценкой Д. Н. Замятина: «Я полагаю, что любая цивилизационная идентичность содержит в себе в той или иной мере, в открытых или скрытых формах географические образы. Такие образы – неотъемлемая и естественная часть цивилизационной идентичности... Исследователь, заинтересованный в комплексном изучении цивилизационной идентичности, должен рассматривать и соответствующие географические образы, обнаруживаемые прежде всего в различного рода репрезентативных текстах, характеризующих конкретные цивилизации и цивилизационную «идентичность»⁵.

Прежде чем приступить к решению этой задачи, необходимо четко определить собственную позицию в отношении содержания используемых понятий, и в особенности главного из них – понятия «цивилизация». Подобная потребность сохраняет свою актуальность, поскольку, как показывает опыт, практически все дискуссии по цивилизационной проблематике, начиная с середины 1980-х годов и по сей день, неизменно возвращаются к вопросу о содержании исходного понятия. Для автора этих строк как для латиноамериканиста определяющее значение имел поиск такого определения, которое одновременно позволяло бы вывить то общее, что присуще всем цивилизационным общностям, и давало бы параметры для их сравнения. На рубеже 80–90-х годов XX в. я выдвинул и впоследствии обосновал понимание цивилизации как способа решения ключевых экзистенциальных проблем – противоречий, воплощенных в определенных ценностных ориентациях поведения и социальных институтах, призванных воплотить этот способ в самых разных видах социальной практики⁶.

В своей недавней работе я счел необходимым уточнить мое понимание цивилизации. Все упомянутые «проблемы универсальны, [они] стоят перед всеми людьми и всегда, независимо от их принадлежности к какой бы то ни было культуре или исторической эпохе. Но подход к решению данных проблем той или иной общности прямо зависит от того, каким образом ее представители соотносят эти проблемы с локальным измерением своей жизни... Поскольку любая цивилизация обладает определенным пространством, то есть является в том числе и неким локусом, то ее можно определить еще и как локальный способ решения универсальных проблем-противоречий человеческого существования»⁷. Локальная среда (природная и социальная) во многом определяет форму проявления этих проблем-противоречий и может оказывать влияние на тот или иной подход к их

⁴ Память, история, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики. М., 2016, с. 79.

⁵ Замятин Д. Н. Россия и нигде. Географические образы и становление российской цивилизационной идентичности. – Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 24. М., 2008, с. 64.

⁶ См., например: Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории, М., 2001; *его же*. Латиноамериканская цивилизационная общность: основные ценности и институты. – Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире. М., 2007, с. 9–28; *его же*. Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В. Б. Земскова. – Мир России, 2016, № 1, с. 154–180.

⁷ Шемякин Я. Г. Универсальное и локальное измерения человеческого бытия и полюса смыслового поля цивилизационного исследования. – Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога. М., 2017, с. 443.

решению вплоть до того, что может и обуславливать специфику такого подхода. Так происходило, в частности, с теми сообществами, чей образ жизни был детерминирован природным окружением практически полностью (Крайний Север, тропики).

Потребность в определении границ собственного жизненного пространства, в идентификации с ним есть конкретное проявление потребности внесения начала порядка в окружающий мир и в мир собственной души. Обретение идентичности — это всегда также и обретение границы, отделяющей «свое» от «чужого». Поэтому цивилизационная идентификация — это идентификация также и с локальной формой проявления ключевых экзистенциальных противоречий, а следовательно, и с теми локальными реалиями, которые обуславливают эту форму.

Такая идентификация с локусом (т.е. пространством) цивилизации является сложной по своей структуре. Она включает в себя:

- отождествление с местными природными реалиями (как правило, подсознательное, включающее восприятие «своей» природы как наиболее органичной для данного сообщества людей среды обитания);

- идентификацию с собственной историей, причем отнюдь не только с общепринятыми, официальными версиями, но и с той составляющей исторической памяти народа, которая чаще всего не находит отражения или, во всяком случае, находит неполное выражение на уровне государственного официоза — достаточно вспомнить в этой связи русских старообрядцев, отстаивавших и продолжающих отстаивать альтернативную линию в толковании отечественной истории — альтернативную и по отношению к «никонианской» церкви, и по отношению к имперской идеологии «санкт-петербургской» России, и по отношению к государственному атеизму советского образца⁸;

- отождествление с этническими и религиозными составляющими данного цивилизационного пространства и с тем типом взаимодействия, который между ними исторически сложился.

В связи с последним тезисом следует уточнить одно обстоятельство. Конкретное этническое и религиозное «наполнение» цивилизационного пространства может меняться с течением истории, не затрагивая при этом целостность цивилизации. Пониманию данного аспекта цивилизационной идентификации может, на мой взгляд, существенно помочь изучение качества «гештальта», которое было осуществлено австрийским философом Х. фон Эренфельсом. Как известно, это понятие означает «несводимое к своим частям целое». На примере восприятия мелодии Эренфельс показал, что «целостные качества мелодического созвучия и ритма в музыке обладают несопоставимо более богатым содержанием, чем сумма отдельных звуков, лежащих в основе созвучия или ритма. Целое может сохраняться при изменении всех компонентов... и наоборот, теряться при сохранении частей неизменными»⁹. Как представляется, здесь можно провести прямую параллель с цивилизационным аспектом проблемы целого: изменение компонентов цивилизационной системы (конкретный состав этносов, языковых общностей, входящих в эту систему) не предполагает изменения самой системы как целого в том случае, если сохраняется основа цивилизационного «гештальта» — определенный подход к решению ключевых проблем противоречий человеческого существования.

То же самое касается и территориально-географических характеристик: эти характеристики (в том числе очертания территории, главная ось пространственной

---

⁸ См., например: *Дутчак Е. Е.* «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск, 2007.

⁹ *Величковский Б. М.* Гештальт. — Большая Российская энциклопедия, т. 7. М., 2007, с. 48.

ориентации) могут меняться, что не затрагивает сущностных характеристик цивилизации. Роль пространства в идентификационной сфере относится именно к таким характеристикам. Подобное изменение имело место, по-видимому, в истории русской культуры. Так, по оценке уже упоминавшегося Ван Баака, если в эпоху Древней Руси «доминирует ось (ориентир) Юг–Север», то «начиная с XVII века, и особенно со времени Петра I, ось «Запад–Восток» становится доминантным ориентиром и моделью ценностной шкалы. Это значит, что внутрикультурные, религиозные, идеологические конфликты и напряжения также располагаются как оппозиции по этой оси (ср. раскол, западничество–славянофильство и т.п.; само собой разумеется, что такая формулировка не подразумевает сложных социополитических процессов, лежащих в основе этих различий)». Однако доминанта оси «Запад–Восток» не означала исчезновения вектора «Север–Юг», который сохранил свое значение в качестве дополнительного, также наложившего свой отпечаток на ценностно-смысловые ориентиры русской культуры¹⁰.

Хотя пространственный вектор цивилизационной идентификации менялся со временем, центральная роль пространства в идентификационной сфере российской цивилизации оставалась неизменной, отражая, как мы постараемся показать ниже, одну из ее сущностных черт.

Пространство любой цивилизации имеет сложную структуру. Стремясь отразить это обстоятельство, некоторые авторы предпочитают условно говорить не об одном, а о нескольких пространствах, охватывающих разные сферы реальности. Так, Анри Лефевр и Эдуард Соджи выдвинули концепцию трех пространств, «где первым пространством является реальное (материальное или физическое), вторым – воображаемое (ментальное), а третьим – объединяющее их социальное («семиотическое, идеологическое или пространство отношений»)»¹¹. Если рассмотреть изучаемую проблематику через призму данной концепции, то мы получим следующую картину.

Первое из названных – это пространство взаимодействия человека и природы. Природные (физические) реалии становятся пространством цивилизации в результате взаимодействия с ними определенной человеческой общности. Именно в этом пространстве реализуется подход к одной из ключевых проблем человеческого существования – проблеме противоречия человека и природы. Остальные два пространства Лефевра–Соджи – это, так сказать, внутрисоциальные пространства, ограниченные рамками общества, но связанные с «первым» пространством прежде всего через физические и биологические параметры самого человека, так или иначе адаптированного к условиям своей среды обитания. В пределах условно ментального пространства и пространства отношений происходят все события духовной, политической, экономической жизни, разворачивается многоцветная панорама повседневности. В пределах этих двух пространств вырабатывается и воплощается в ценностных ориентациях поведения, социальных институтах и практиках подход к остальным ключевым экзистенциальным проблемам-противоречиям: между мирским и сакральным измерениями бытия *homo sapiens*, индивидом и социумом, традиционной и инновационной сторонами культуры.

Следует подчеркнуть: три пространства Лефевра–Соджи неотделимы друг от друга, они взаимно пересекаются. И главная точка пересечения – конкретный человек, живое пульсирующее сердце цивилизации. Вообще, аналитически «вычленяя» эти пространства, нужно иметь в виду условный характер подобного

¹⁰ Ван Баак Й. Указ. соч., с. 17–19.

¹¹ Цит. по: Митин И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства. – Топос, 2011, № 1, с. 73.

разделения. В реальности же они выступают как различные измерения одного пространства цивилизации.

Особо следует отметить, что все три пространства Лефевра—Соджи пронизывает дихотомия природного и культурного. В рамках каждого из них соотношение природной и культурной составляющих различно. Природное начало наиболее заметно представлено, разумеется, в «материальном или физическом», первом из названных пространств, но присутствует прямо или косвенно в двух остальных, в которых определенно наличествует доминанта культуры.

В каждом из пространств Лефевра—Соджи визуализация отличается своей спецификой. Так, в первом из названных визуализируются природные реалии, прежде всего те, которые символизирует данный локус. Образы второго («ментального») пространства суть продукты человеческого воображения, как возникшие спонтанно, так и сознательно конструируемые. Образы «третьего» пространства — это визуализация политических и социальных реалий. В центре картины здесь — столкновение альтернативных образов этих реалий, формируемых соответственно властью и оппозицией. К данной сфере относится и столкновение альтернативных образов истории.

Взгляд на проблему цивилизационного пространства сквозь призму концепции Лефевра—Соджи позволил выявить еще одно важное обстоятельство. Ментальное пространство, как и «пространство отношений», охватывает, как правило, более значительную часть реальности «мира людей», чем географический ареал распространения цивилизации, поскольку включает в том числе и тех представителей этой цивилизации, которые живут в иных цивилизационных средах, где институты их цивилизации не определяют общий характер социальной регуляции.

По-видимому, имеет смысл говорить о различной иерархии трех пространств Лефевра—Соджи в различных цивилизационных типах. Автор этих строк в конце 1980-х годов выдвинул и в дальнейших своих работах¹² обосновал концепцию, в соответствии с которой выделяются два основных цивилизационных типа, различающиеся в соответствии с одним вполне определенным критерием: соотношением начал (принципов) единства (гомогенности) и разнообразия (гетерогенности). Великие («классические») цивилизации Запада и Востока («субэкумены» по терминологии Г. С. Померанца) определяет доминанта единства: здесь есть некий духовно-ценностный стержень (в его основе лежит картина мира, свойственная той или иной мировой религии), который пронизывает собой, скрепляет воедино огромное многообразие человеческого миров христианского Запада, индо-буддистской Южной Азии и мира ислама.

Другой цивилизационный тип, условно обозначаемый как «пограничный», определяет, напротив, доминанта многообразия (при том что единство тоже вполне реально). Исторически к цивилизационному «пограничью» относились эллинистическая цивилизация и Византия, в настоящее время оно представлено Россией — Евразией, Латинской Америкой и балканской культурно-исторической общностью. Многие черты «пограничности» сохраняет и Пиренейская Европа, хотя начиная с 60-х годов XX в. развивается бурный процесс ее интеграции в западную субэкумену, который, однако, на наш взгляд, отнюдь еще не завершен: сохраняются

---

¹² Шемакин Я. Г. «Пограничные» цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции. — Латинская Америка, 2007, № 7, с. 75–84; *его же*. Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции. — Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. М., 2008, с. 100–148; *его же*. Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 42. М., 2013, с. 23–45; *его же*. Мыслеобраз границы: социокультурные проекции. — Przeglad wschodmoerupejski, t. V/1, 2014, s. 149–161.

контртенденции¹³. Так или иначе, типичное для «субэкумен» относительно монолитное духовно-ценностное единство здесь отсутствует, фундамент цивилизации состоит из разнородных частей, сочленение которых достигается в ходе и в результате крайне противоречивого взаимодействия первоначально далеких друг от друга традиций. В силу охарактеризованной особенности природные стихии проявляют себя в цивилизационном «пограничье» (причем как вне, так и внутри человека) гораздо более мощно, чем в «классическом» цивилизационном типе.

Соотношение трех пространств Лефевра—Соджи характеризуется в «пограничных» цивилизациях безусловным преобладанием первого. Причем природные реалии гораздо в большей мере, чем в «непограничных» человеческих мирах, проявляют себя во внутреннем духовно-символическом строе культуры.

С наибольшей силой все эти особенности проявились в двух «пограничных» цивилизациях планетарного масштаба — России—Евразии и в Латинской Америке¹⁴. Позволю себе проиллюстрировать это положение несколькими высказываниями видных мыслителей обоих этих человеческих миров.

Вот оценка кубинского писателя и мыслителя А. Карпентьера. По его словам, «наш континент (Америка. — Г. Ш.) — это континент ураганов (первое вошедшее в международный обиход американское слово появившееся на волне открытия, — это слово “ураган”), это континент циклонов, землетрясений на суше и на море, наводнений, которые из-за своей периодической повторяемости накладывают ужасный отпечаток на природу, нелегко поддающуюся укрощению, еще подчиненную изначальным волнениям земной коры... Посетить дом Гёте в Веймаре — это значит увидеть дом, представляющий единое целое с человеком, в нем живущим, и городом, что гармонически вписывается в окрестности с мягкой округлостью холмов, едва возвышающихся над крышами дома Шиллера или театра, где поэт работал в качестве почетного “администратора спектаклей”».

Такая картина являет собой разительный контраст с размерами «всего, что окружает латиноамериканца, — как эти горы, эти вулканы, которые, если по мановению волшебной палочки перенести их в Европу, подавили бы панорамы Швейцарии или Пиренеев». Кубинский писатель делает очень интересное замечание: «Но мне хотелось бы вообразить, как бы выглядел Гёте, живи он в Амекамеке, в Мексике, — стоящим на переднем плане в сером сюртуке, а позади — вулкан»¹⁵.

Карпентьер воплощает одну из двух главных тенденций латиноамериканской мысли в оценке воздействия природной среды на человека и историю Латинской Америки. В данном случае это воздействие оценивается сугубо положительно, мощь и необузданность латиноамериканской природы являют собой впечатляющий контраст с природными реалиями Европы, которые выглядят на фоне латиноамериканских примеров как нечто незначительное, не производящее особого впечатления. Истоки подобной оценки (разделяемой многими) — в исходной мифологеме «Рая Америки», являющей собой один из крайних полюсов интерпретации действительности континента со времен Конкисты¹⁶.

Совершенно иначе оценивает роль природного фактора в истории и современной жизни народов региона Рио-Гранде-дель-Норте видный венесуэльский писатель и мыслитель А. Услар Пьетри. По его оценке, для латиноамериканцев

¹³ Шемякин Я. Г. Идентичность цивилизационного «пограничья». — Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М., 2017, с. 295–302.

¹⁴ Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка, с. 192–344.

¹⁵ Карпентьер А. Мы искали и нашли себя. М., 1984, с. 48–49.

¹⁶ См.: История литератур Латинской Америки. Кн. 1. От древнейших времен до начала Войны за независимость. М., 1985, с. 132–173; Земсков В. Б. О литературе и культуре Нового Света. М.—СПб., 2014, с. 163–226, и др.

природа никогда не была просто фоном, определяя их образ жизни: «Не только неприступные горные вершины Кордильер, но и безбрежные пространства равнин, невообразимые массивы непроходимых лесов и величие самых полноводных и самых переменчивых рек в мире — вся природа Латинской Америки необычайно враждебна и агрессивна по отношению к человеку. Сама необъятность этой природы угрожает ему... В Латинской Америке для взаимоотношений человека с природным пространством характерны динамичность и постоянное присутствие опасности, неизвестные европейцам. ...Разноплеменную латиноамериканскую культуру пронизывает убеждение, что белое и черное население, пришедшее на континент извне, все еще не нашло контакта с природой»¹⁷.

Услар Пьетри продолжает ту линию в интерпретации латиноамериканской природы и характера ее влияния на человека, которая была заложена в прошлом веке великим аргентинцем Д. Ф. Сармьенто. Достаточно открыть первые страницы его самого знаменитого произведения «Фаундо»: «Зло, от которого страдает Аргентинская республика, — это ее протяженность... Необъятность во всем: бескрайняя равнина, бесконечные леса, безбрежные реки... дикая природа окружает города, давит их, превращает в одинокие оазисы цивилизации»¹⁸. Как нетрудно заметить, несмотря на совершенно разные контрастные оценки, и Карпентьер, и Услар Пьетри, и Сармьенто согласны в одном: в признании огромного, во многом решающего воздействия природы Латинской Америки на человеческую реальность региона. Это — общая черта латиноамериканской мысли с эпохи открытия и завоевания Америки до сего дня¹⁹.

Здесь можно обнаружить прямые параллели с Россией. У истоков двух противоположных линий в оценке российской природы стоял П. Я. Чаадаев. В том что касается исторических судеб России и ее современного (для Чаадаева) состояния, огромные российские просторы предстают в описании мыслителя как всеподавляющая роковая сила, блокирующая возможность нормального развития. Однако Чаадаев считал, что в будущем сама необъятность российских просторов может сыграть положительную роль в истории страны²⁰. Одну из тенденций, восходящих к творчеству Чаадаева, продолжили представители западнического течения российской мысли. Как и в Латинской Америке, в России осмысление собственных особенностей чаще всего шло по линии сопоставления с опытом Западной Европы, которое нередко выливалось в противопоставление российской специфики этому опыту. Так, С. М. Соловьев писал, сравнивая две различные части Европы: «На западе земля разветвлена, острова и полуострова, на западе горы, на западе много отдельных народов и государств; на востоке сплошная громадная равнина и одно громадное государство. Первая мысль при этом, что две столь разнящиеся между собой половины Европы должны были иметь очень различную историю. Мы знаем, как выгодно для быстроты развития общественной жизни соседство моря, длинная береговая линия, умеренная величина резко ограниченной государственной области, удобство естественных внутренних сообщений, разнообразие форм, отсутствие громадных, подавляющих размеров во всем, благорастворение воздуха, без африканского зноя и азиатского мороза, эти выгоды отличают Европу перед другими частями света; на эти выгоды указывают как на причину блестящего развития европейских народов, их господства над народами других частей света. Но указывая на эти выгоды, должно разуметь только Западную

¹⁷ Курьер ЮНЕСКО, 1977, сентябрь—октябрь, с. 32—33.

¹⁸ Сармьенто Д. Ф. Избранные сочинения. М., 1995, с. 18, 23—26.

¹⁹ Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка, с. 193—197, 202—203.

²⁰ См. подробнее: Замятин Д. Н. Россия и нигде, с. 77—84.

Европу, ибо Восточная их не имеет; природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, — мачеха»²¹. Как видно из приведенной цитаты, признание детерминирующего воздействия природного окружения на историю России (и всей Восточной Европы) сочетается у Соловьева с резко отрицательной оценкой характера и последствий такого воздействия. К этой же традиции можно отнести и В. О. Ключевского. Последний также прямо связывал характер русского народа со спецификой природно-климатических условий среды его обитания. Согласно Ключевскому, российская природа определяет структуру и сам характер процесса труда, а в связи с этим и социально-психологические характеристики русского народа, во всяком случае основной его части — крестьян. Хотя воздействие природных условий и не оценивается столь однозначно отрицательно, как у Соловьева, все же в трактовке Ключевского оно обуславливает очень большие трудности при организации трудового процесса и формирование некоторых качеств (как, например, выделяемой русским историком «непривычки к размеренному постоянному труду»²²), которые трудно оценить со знаком плюс и которые, несомненно, были препятствием на пути развития страны. Приведенные высказывания двух ведущих российских историков могут служить яркими иллюстрациями тезиса об определяющем воздействии природного (физического) пространства на пространство отношений, прежде всего на ту его часть, которая непосредственно взаимодействует с природным окружением (это относится главным образом к экономике, в первую очередь сельскому хозяйству). «Первое пространство» оказывало аналогичное по силе воздействие и на сферу взаимоотношений власти и общества. Вот что писал по этому поводу Н. Я. Данилевский: «Главное препятствие опять-таки составляли пространство и природа русской области. Какая нужда подчиняться суровым требованиям государственного порядка, личной службы, денежным уплатам, когда леса представляли такие непроницаемые убежища, что даже в наши дни, от времени до времени, открываются целые поселения, успевшие скрыться от зоркого глаза исправников и станowych; когда обширные степи, очищенные от могущественных хищников, представляли столько раздолья и столько свободы, когда реки и моря с беспримерным обилием рыбы доставляли легкое пропитание и даже прибыльный промысел»²³.

Противоположный западническому подход к рассматриваемой проблеме типичен для сформировавшегося в 20–30-е годы XX в. евразийского направления российской мысли (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский и др.). Природа России оценивается ими однозначно положительно. Такая оценка обусловлена прежде всего тем, что географическая природная среда нашей страны («месторазвитие», если использовать излюбленный термин евразийцев) является в интерпретации мыслителей данного направления главной предпосылкой возникновения особой евразийской цивилизации и основным фактором, обуславливающим ее специфику. Согласно евразийцам, решающий фактор, определяющий как географическую, так и историческую специфику России—Евразии — это ее континентальный характер. Основа основ духовного строя российско-евразийской цивилизации — особое «ощущение континента», которое противопоставлено «западноевропейскому ощущению моря»²⁴. Согласно образному определению Савицкого, Россия—Евразия — это

²¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. VIII. М., 1962, с. 7–9.

²² Цит. по: Лосский Н. О. Характер русского народа, кн. 1-2. М., 1990, кн.1, с. 37–38.

²³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991, с. 258–259.

²⁴ Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993, с. 124.

«континент-океан»²⁵. В конечном счете, в трактовке сторонников данного течения, именно из качества континентальности вытекают все остальные характерные черты российско-евразийской цивилизации²⁶. Как известно, в последнее время наблюдается бурный ренессанс евразийства, представители которого продолжают отстаивать тот же комплекс взглядов. Пожалуй, самым знаменитым из идеологов современного евразийства является Л. Н. Гумилёв, посвятивший немало страниц обоснованию идеи об исходной географической целостности евразийского «месторазвития»²⁷. Евразийские воззрения получили довольно широкое распространение в современной отечественной литературе и публицистике, образовав прочный симбиоз с геополитическими концепциями. Так, согласно А. С. Панарину, воспроизводящему ключевые положения глобальных геополитических моделей, разработанных Х. Маккиндером, Н. Спайкменом, С. Козном и другими авторами (деление мира на две полушария – сухопутную или континентальную – хартленд и морскую или океаническую – римленд), специфика и историческая роль России–Евразии определяется ее функцией как главного «держателя» хартленда. Различные, в том числе и предельно вульгаризированные варианты этой идеи получили широкое распространение среди современных последователей Гумилёва.

Идею об особом значении природной составляющей в системе российской цивилизации разделяли и многие влиятельные критики евразийства, в принципе выступавшие против однозначной абсолютизации роли географического фактора. Пожалуй, в качестве самого яркого примера здесь нужно упомянуть Н. А. Бердяева. Он писал: «Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию... Но в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины. У русских “природа”, стихийная сила, сильнее чем у западных людей, особенно людей самой оформленной латинской культуры... Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта. На Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям, все благоприятствует образованию и развитию цивилизации – и строение земли, и строение души. Можно было бы сказать, что русский народ “пал жертвой необъятности своей земли, своей природной стихийности”»²⁸. Н. О. Лосский, отнюдь не склонный к абсолютизации роли природно-климатических факторов в цивилизационном процессе, отмечает тем не менее «большие трудности овладения природою в России, где, например в Сибири, значительная часть пространства мало пригодна для обработки из-за вечной мерзлоты»²⁹.

Если же интерпретировать приведенные высказывания в духе концепции Лефевра–Соджи, то в данном случае налицо яркое подтверждение определяющего воздействия «первого пространства» как на «ментальное» пространство, так и на «пространство отношений».

Особое место природного фактора в цивилизационной системе и планетарный масштаб воздействия данного фактора на человека и общество – общие черты

²⁵ *Савицкий П. Н.* Континент-океан: Россия и мировой рынок. – Исход к Востоку: предчувствия и свершения: утверждение евразийцев, кн. I. София, 1921.

²⁶ Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн, с. 100–104, 123–130.

²⁷ См., например: *Гумилёв Л. Н.* Историко-философские сочинения князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца). – *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М., 1995, с. 31–54.

²⁸ *Бердяев Н. А.* Истоки и смыслы русского коммунизма. М., 1990, с. 8.

²⁹ *Лосский Н. О.* Указ. соч., кн. 2, с. 52.

России и Латинской Америки. В то же время нельзя не сказать и о тех различиях, которые прослеживаются между ними по данному параметру. Прежде всего бросается в глаза то, что в Латинской Америке флора и фауна все же гораздо более агрессивны по отношению к человеку, чем в России. Хотя, конечно, С. М. Соловьев прав, считая, что природные условия в европейской России значительно менее благоприятны для человеческой деятельности, прежде всего хозяйственной, чем в Западной Европе, хотя природа Сибири и Дальнего Востока, несомненно, более агрессивна по отношению к человеку, чем в Восточной Европе, все же в России–Евразии нет ничего похожего по своим масштабам ни на полчища насекомых, вторгающихся в человеческие жилища, ни на обилие ядовитых змей, крокодилов и т.п., чем так богат животный мир Латинской Америки, особенно в тропической зоне.

В принципе, если брать картину в целом, уровень разнообразия природной среды Латинской Америки выше, чем в России–Евразии, где нет такого буйства форм животной и растительной жизни, как к югу от Рио-Гранде-дель-Норте. Это, несомненно, связано с климатическими различиями, с тем что в отличие от российской территории основная часть Латинской Америки находится в тропиках и субтропиках.

Значительно более однообразен и менее контрастен в случае с Россией рельеф, преимущественно равнинный. Здесь нет ничего похожего по своему значению на единую горную цепь Анд–Кордильер: горы лишь окаймляют и кое-где пересекают единый колоссальный равнинный массив.

Соответственно, несравненно меньшая часть территории российской Евразии подвержена воздействию вулканической активности: хотя вулканы есть и у нас (прежде всего на Камчатке), роль, которую играют периодические извержения вулканов в латиноамериканской жизни, их разрушительные последствия в целом гораздо более значимы, чем в российском случае. С охарактеризованными различиями связана и разница в степени адаптации человека к природной среде и, соответственно, в мере конфликтности в его взаимоотношениях с этой средой в Латинской Америке и в России–Евразии.

Огромное значение имеет в этом плане то обстоятельство, что подавляющее большинство современного населения Латинской Америки – потомки недавних переселенцев из другого полушария. Это касается как европейцев, так и африканцев. И те, и другие (европейцы в большей степени в силу колоссальных масштабов контраста действительности Нового Света с их прежней средой обитания) испытали глубочайший психологический шок при столкновении с природой нового континента. Вследствие этого процесс их адаптации к условиям жизни в западном полушарии (точнее, в южной его части) оказался чрезвычайно трудным и мучительным. По свидетельству многих, процесс этот не завершен и поныне. Особенно яркой иллюстрацией этого тезиса могут служить высказывания уже упоминавшегося выше А. Услара Пьетри³⁰.

В ареале российской цивилизации наблюдается иная картина. Здесь никогда не было ничего подобного по своим масштабам тому «шоку открытия», который испытали европейцы в Америке. За более чем тысячелетнее существование России как особой социокультурной общности (в разных исторических ипостасях) практически для всех этнолингвистических групп, составивших ядро русского народа, земли восточноевропейской равнины стали родными. Здесь можно говорить о практически полной адаптации человека к природной среде. При освоении русскими Сибири также не наблюдалось ничего, что можно было бы

³⁰ Курьер ЮНЕСКО, 1977, сентябрь–октябрь, с. 32–33.

сопоставить по силе и глубине с тем шоковым состоянием, которые испытывали потомки конкистадоров в Америке: несмотря на всю мощь сибирской природы, на то, что приспособление к ней требовало, несомненно, больших усилий, чем в европейской части России, отличие от прежней среды обитания здесь было несравненно меньше (поморы, по-видимому, вообще едва его ощущали), чем в случае с представителями Иберийской Европы, прибывшими на территорию Южной и Центральной Америки. В целом можно констатировать, что в российском случае отсутствует тот глубинный разлад между человеком и окружающей средой, который оказался характерен для региона к югу от Рио-Гранде-дель-Норте. Таким образом, степень адаптации субъекта цивилизации к условиям среды обитания оказалась в России существенно выше, а мера конфликтности в отношении человека с природой ниже, чем в Латинской Америке.

Библиография

- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Ван Баак Й.* О границах русской культуры. — Русская литература, 1995, № 3, с. 12–20.
- Величковский Б. М.* Гештальт. — Большая Российская энциклопедия, т. 7. М., 2007, с. 48.
- Гумилёв Л. Н.* Историко-философские сочинения князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца). — *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М., 1995, с. 31–54.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991.
- Дутчак Е. Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск, 2007.
- Замятин Д. Н.* Метагеография: пространство образов и образы пространства. М., 2004.
- Замятин Д. Н.* Россия и нигде. Географические образы и становление российской цивилизационной идентичности. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 24. М., 2008, с. 64–84.
- Земсков В. Б.* О литературе и культуре Нового Света. М. — СПб., 2014.
- История литератур Латинской Америки. Кн. 1. От древнейших времен до начала Войны за независимость. М., 1985.
- Карпентьер А.* Мы искали и нашли себя. М., 1984.
- Лосский Н. О.* Характер русского народа, кн. 1–2. М., 1990.
- Митин И.* На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства. — Топос, 2011, № 1, с. 62–73.
- Память, история, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики. М., 2016.
- Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993.
- Савицкий П. Н.* Континент-океан: Россия и мировой рынок. — Исход к Востоку: предчувствия и свершения: утверждение евразийцев, кн. 1. София, 1921, с. 45–58.
- Сармьенто Д. Ф.* Избранные сочинения. М., 1995.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. VIII. М., 1962.
- Топоров В. Н.* К происхождению и функциям «геоэтнических панорам» в аспекте связей истории и культуры. — История и культура, М., 1991, с. 88–108.
- Шемякин Я. Г.* «Пограничные» цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции. — Латинская Америка, 2007, № 7, с. 75–84.
- Шемякин Я. Г.* Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.
- Шемякин Я. Г.* Идентичность цивилизационного «пограничья». — Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М., 2017, с. 295–302.
- Шемякин Я. Г.* Латиноамериканская цивилизационная общность: основные ценности и институты. — Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире. М., 2007, с. 9–28.
- Шемякин Я. Г.* Мыслеобраз границы: социокультурные проекции. — Przeglad wschodmoerupejski, 2014, V/1, s. 149–161.

Шемякин Я. Г. Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В. Б. Земскова. — Мир России, 2016, № 1, с. 154–180.

Шемякин Я. Г. Универсальное и локальное измерения человеческого бытия и полюса смыслового поля цивилизационного исследования. — Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога. М., 2017, с. 441–466.

Шемякин Я. Г. Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 42. М., 2013, с. 23–45.

Шемякин Я. Г. Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции. — Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. М., 2008, с. 100–148.

References

Berdyayev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [The Origins and Meanings of Russian Communism]. Moscow, 1990. (In Russ.)

Carpentier A. My iskali i nashli sebja [We searched and found ourselves]. Moscow, 1984. (In Russ.)

Danilevskiy N. Ya. Rossiia i Yevropa [Russia and Europe]. Moscow, 1991. (In Russ.)

Dutchak E. E. Iz «Vavilona» v «Belovod'e»: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraia polovina XIX – nachalo XXI v.) [From «Vavilona» in «Belovodye»: adaptive capabilities of taiga communities of old-believing wanderers (second half of the 19th – early 21st centuries)]. Tomsk, 2007. (In Russ.)

Gumilev L. N. Istoriko-filosofskie sochineniia kniazia N. S. Trubetskogo (zametki poslednego evraziitsa). — *Trubetskoi N. S.* Istoriia. Kul'tura. Iazyk [Historical and philosophical writings of Prince N. S. Trubetskoy (notes of the last Eurasianist)]. — *Trubetskoy N. S.* History. The culture. Tongue]. Moscow, 1995, p. 31–54. (In Russ.)

Istoriia literatur Latinskoj Ameriki. Kn. 1. Ot drevneishikh vremen do nachala Voyny za nezavisimost' [History of Latin American literature. Vol. 1. From ancient times to the start of the War of Independence]. Moscow, 1985, p. 132–173. (In Russ.)

Losskiy N. O. Kharakter russkogo naroda [The nature of the Russian people], vol. 1–2. Moscow, 1990. (In Russ.)

Mittin I. Na puti k voobrazhaemoi geografii: dva povorota, tri prostranstva. — Topos [On the way to imaginary geography: two turns, three spaces. — Topos], 2011, № 1, p. 62–73. (In Russ.)

Pamyat', istoriya, identichnost': Teoreticheskiye osnovaniya i issledovatel'skiye praktiki. 2016 [Memory, history, identity: Theoretical foundations and research practices. Reports of international scientific conference on October 3–4 2016]. Moscow, 2016. (In Russ.)

Rossiia mezhdru Evropoi i Aziei. Evraziiskii soblazn [Russia between Europe and Asia. The Eurasian temptation]. Moscow, 1993. (In Russ.)

Sarmiento D. F. Izbrannye sochineniia [Selected Works]. Moscow, 1995. (In Russ.)

Savitskiy P. N. Kontinent-ocean: Rossiia i mirovoi rynek. — Iskhod k Vostoku: Predchuvstviia i sversheniia: utverzhdienie evraziitsev, kn.I [Continent-Ocean: Russia and the world market. — Exodus to the East: Premonitions and accomplishments: affirmation of the Eurasians, vol. I]. Sofia, 1921, p. 45–58. (In Russ.)

Shemiakin Ya. G. Evropa i Latinskaia Amerika: Vzaimodeistvie tsivilizatsii v kontekste vseмирnoy istorii [Europe and Latin America: intercommunion of civilization in context of world history]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Shemiakin Ya. G. Fenomen «pogranichnosti»: sotsiokul'turnoe sodержanie i istoricheskie tipy. — Dialog so vremenem. Al'manakh intelektual'noi istorii, vyp. 42 [The phenomenon of «frontier»: sociocultural content and historical types. — Dialogue with time. Almanac of Intellectual History, issue 42]. Moscow, 2013, p. 23–45. (In Russ.)

Shemiakin Ya. G. Identichnost' tsivilizatsionnogo «pogranich'ia». — Ispaniia i Rossiia: istoricheskie sud'by i sovremennaia epokha [The identity of civilizational «frontier». — Spain and Russia: historical destinies and modern epoch]. Moscow, 2017, p. 295–302. (In Russ.)

Shemiakin Ya. G. Latinoamerikanskaia tsivilizatsionnaia obshchnost': osnovnye sennosti i instituty. — Latinoamerikanskaia tsivilizatsionnaia obshchnost' v globaliziruiushchemsia mire [Latinoamerican civilizational community: basic values and institutes. — Latinoamerican civilizational community in the globalizing world]. Moscow, 2007, p. 9–28. (In Russ.)

Shemiakin Ya. G. Mysleobraz granitsy: sotsiokul'turnye proektsii [Mental image of aboard: sociocultural perspectives]. — Przeglad wschodmoerupejski, V/1, 2014, c. 149–161. (In Russ.)

Shemiakin Ya. G. Rossiia i Latinskaia Amerika kak tsivilizatsii: popytka sravneniia. Razmyshleniia nad knigami V. B. Zemskova. — Mir Rossii [Russia and Latin America as civilizations: considerations on the books by V. B. Zemskov. — World of Russia], 2016, № 1, p. 154–180. (In Russ.)

Shemiakin Ya. G. Tsivilizatsii «pogranichnogo» tipa: formirovanie kontseptsii. — Sotsiokul'turnoe pogranich'e kak fenomen mirovykh i rossiiskikh transformatsii [The civilizations of a «borderline» type: a making of concept. — Sociocultural frontier as phenomenon of world and Russian transformations]. Moscow, 2008, p. 100–148. (In Russ.)

Shemiakin Ya. G. Universal'noe i lokal'noe izmereniia chelovecheskogo bytiia i poliusa smyslovogo polia tsivilizatsionnogo issledovaniia. — Rekonstruktsii mirovoi i regional'noi istorii: ot universalizma k modeliam mezhkul'turnogo dialoga [The universal and local transformations of human existence and pole of semantic field of civilizational study. — Reconstructions of world and regional history: universalism to-wards models of intercultural dialogue]. Moscow, 2017, p. 441–466. (In Russ.)

Solov'ov S. M. Istoriiia Rossii s drevneishikh vremen [The history of Russia since ancient times]. Moscow, 1962. (In Russ.)

Toporov V. N. K proiskhozhdeniiu i funktsiiam «geoetnicheskikh panoram» v aspekte sviazei istorii i kul'tury. — Istoriiia i kul'tura [On the origins and functions of geoethnical' panoramas. — History and Culture]. Moscow, 1991, p. 88–108. (In Russ.)

Van Baak Y. O granitsakh russkoy kul'tury. — Russkaya literatura [On the boundaries of Russian culture. — Russian literature], 1995, № 3, p. 12–20. (In Russ.)

Velichkovskiy B. M. Gestalt. — Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia [Gestalt. — The Great Russian Encyclopedia], vol. 7. Moscow, 2007, p. 48. (In Russ.)

Zamyatin D. N. Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva [Metageography: The space of images and images of space]. Moscow, 2004. (In Russ.)

Zamyatin D. N. Rossiia i nigde. Geograficheskie obrazy i stanovlenie rossiiskoi tsivilizatsionnoi identichnosti. — Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii, vyp. 24 [Russia and nowhere. Geographical images and the formation of Russian civilizational identity. — Dialogue with Time. Almanac of Intellectual History, issue 24]. Moscow, 2008, p. 64–84. (In Russ.)

Zemskov V.B. O literature i kul'ture Novogo Sveta [On the literature and culture of the New World]. Moscow — Saint-Petersburg, 2014. (In Russ.)